A black and white photograph of a man wearing a dark bowler hat and a dark suit jacket over a white shirt. He is looking slightly to the left of the camera with a neutral expression. In his right hand, he holds a lit cigarette. The background is a plain, light-colored wall. A white rectangular box is overlaid on the right side of the image, containing text.

Владислав Мирзоян

Есенин Гибель

Графиня Похаблас

Фото Артем

Владислав Мирзоян

Есенин. Гибель. Графиня Похаблас

«Издательские решения»

Мирзоян В.

Есенин. Гибель. Графиня ПохабIас / В. Мирзоян —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901266-1

История одного скандального визита Сергея Есенина в Столешников
переулок, к другу — поэту Ивану Грузинову и его гражданской жене Нине
Хабиас.

ISBN 978-5-44-901266-1

© Мирзоян В.
© Издательские решения

Есенин. Гибель Графиня Похаблас

Владислав Мирзоян

© Владислав Мирзоян, 2017

ISBN 978-5-4490-1266-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Осень 1925-го года у Есенина выдалась тяжкой

В каноническом есениноведении принято считать, что в на-чале сентября, в поезде Баку – Москва, Есенина не пустили в ва-гон-ресторан и он поднял шум. Дипкурьер Адольфа Рога сделал ему замечание. В ответ Есенин оскорбил его на национальную тему. И Рога подал в суд.

На самом деле в суд подало Министерство иностранных дел СССР за нападение на дип-курьера – якобы, Есенин рвался к не-му в купе, вовсе не для того, чтобы дать по этой самой морде, а отобрать государственной важности секретную почту.

Поэт Иван Грузинов:

– «1925 год. Осень.

Ранним вечером в моей комнате собрались поэты, издатели и одна московская поэтесса. Человек шесть.

Все пришли случайно».

Дело происходит в Москве,

в Столешником переулке, дом №5 кв. №12.

Это центр, у памятника Юрию Долгорукому (тогда памятника Свободы) – Союз поэтов совсем рядом – удобно

и у Грузинова всегда поэтическая туса.

Он живёт у сестры, которая, то ли сама замужем за работни-ком типографии ОГПУ, то ли муж её там работает – но, скорее все-го, это коммуналка – в ней у сестры с мужем две комнаты, одну из которых отдали Грузинову.

Грузинов:

– «Явился Есенин.

Он был каким-то вялым.
Молча сидел в кресле.
Вид у него был усталый, измученный.
Казалось, он только что пережил неприятные минуты».

А неприятностей у Есенина в ту осень было – немало: народ-ный судья Липкин пытается объединить пять ранних уголовных дел Есенина:

1. дело №1 – от 11/X-1923 г.
«Дебош, драка, хулиганство в кафе «Стойло Пегаса» на Тверской ул., 15/IX-23 г.»
2. дело №2 – от 20/I-1924 г.
«Хулиганство в кафе «Домино» на Тверской и буйство в отделении милиции»
3. дело №3 – от 9 февраля 1924 г. «Скандал в кафе «Стойло Пегаса»
4. дело №4 – от 23 марта 1924 г. «Драка на Тверском буль-варе»
5. дело №5 – от 6 апреля 1924 г. «Дебош и драка в Малом театре».

Эти дела Есенину удалось в своё время с помощью высоких покровителей отложить в долгий ящик.

+

наверняка, судья не прочь добавить ещё и четыре задержа-ния ОГПУ – если все дела дойдут до суда, мало Есенину не бу-дет – даже по году на дело – 10 лет Соловков гарантировано.

+

неприятности личного порядка с женой Софьей Толстой,

которая, кроме рогов с писателем Пильняком и ещё кое-чего, неумно спасая мужа от уголовного преследования, вовлекла его в сложнейшую политическую интригу с участием главного редактора журнала «Красная Новь» Александра Воронского,

ярого сторонника Троцкого,
посла СССР в Англии Христиана Раковского, тоже троцкиста

и... Держинского, в то время уже союзника Сталина —

председателя ОГПУ Раковский с Воронским пытаются втянуть в предсъездовские игры со Сталиным – коммунисты готовятся к XIV-тому съезду партии, на котором Зиновьев с Каменевым

(и Троцкий сам по себе)
решили свалить Сталина.

В итоге – в конце ноября Есенину приходится лечь в платное отделение психиатрической клиники и купить себе спасительный диагноз – *Delirium tremens* — белая горячка – в народе ласково – белочка.

Так проходила осень...

Иван Грузинов:

– «Есенин был недоволен поэтессой: она почему-то ему не нравилась.

Начал по адресу поэтессы говорить колкости...»

Короче – пришёл скандалист Есенин.
Безо всяких паркетных церемоний за новым уголовным де-лом...

Грузинов:

– «Не обижай её, Серёжа! Она – Есенин в юбке, – сказал я.
Есенин замолчал и оставил поэтессу в покое.
Прятели пробыли у меня недолго. Каждый куда-то спешил. Быстро начали расхо-
диться».

То есть – Есенин всех разогнал.
Вот такой вот склочный самодур – на всех кидался.
Но больше всего – на какую-то поэтессу.

Как говорила Марина Цветаева:

О, вопль женщин всех времён:
«Мой милый, что тебе я сделала»?

Через сто лет сидеть-гадать-вычислять участников той
вечеринки, конечно, бесплодное безумие.
Но попробуем вычислить хотя бы ту несчастную поэтессу...

И ключиком у нас будет редчайшее слово – юбка —
по юбке и попробуем узнать.

Как говорил незабвенный Иван Барков:

Перед амуром нет различий,
Санов и рангов – все равны.
Ни этикетов, ни приличий...
Есть только юбки и штаны.

Юбок много.
Но юбка писала стихи.
Уже проще.
Поэтесса в юбке – это особая примета,
как поэт в штанах.

К тому же она названа – Есенин в юбке.
Теперь – совсем просто.

Её в те годы называли немного иначе – Барков в юбке.
Что сильно преувеличено.

Телом скатанная как валенок
Головы мосол между ног
Вышиб любовь на заваленку
Сапожищем протоптанный кот
Довольно колеса белок
Аркане шею тянуть
Над отопленном спермой телу
Креститель поставил свечу
У меня все места поцелованы
Выщипан шар живота
Как на скачках язык оторван
Прыгать барьеры зубам
О кланяйтесь мне совнаркомы
священник и шимпанзе
Я славнейшая всех поэтессин
Шафрана Хебед Хабиас.

или вот —

Солнце моё вымя ливызало
Лощит купол живот
Вытянул смако резиной
Слушаю шохот шагов.
Допошел. Узил глазом
Китайский стянутый рот
Целовал по одному разу
Вымыленный липкий лобок

Стянутый нутро туго
Вылущенных шуки шупь
1921

До разухабистых вагин и весёленькой мудистики Баркова с его «Ебихудом» ей, конечно, далековато, но вот этими – Хе-беб-шерчато-шара-шурами – она его явно переплюнула.

И ты Господи стал военкомом
Прислал мне пшеничный мундштук
Ты один мной неодеванный
Генеральный штаб сюртучок
Ты едва политруком не хлюсил
Улюлатя тючку слюны
Господи прими бесплатно
Вытяжку семенных желёз.
1921

И тут – в семенных улюлатя-тючку-жертвоприношениях она Баркова обскакала.
И Грузинову Баркова стало мало и он назвал её – Есенин в юбке.
Что – ещё более преувеличено.

О как безрадостен, как скуден вечер
О как лицо тревожное сберечь
В растрепанной гряде
Моих раскосых дней.
Ах, сохнет кровь,
Спадает ветхою перчаткой кожа,
Веточки растут между бровей,
На темных впадин
Помутневших век.
1926

Ну, вылитый Есенин!
Только он с керосиновой лампой на голове ходил,

Я нарочно иду нечесаным,
С головой, как керосиновая лампа, на плечах.
Ваших душ безлиственную осень
Мне нравится в потёмках освещать.

как Диоген днём с фонарём ходил-искал человека.

А у поэтессы – невыщипанные «веточки растут между бро-вей» и, хорошо бы, ненароком, не выросли усы и борода.

Мы не состаримся вместе,
О суетный, неверный друг,
Хоботками отмечает месяц
Медные на вкус года.
Любви скудеющую чашу

Не донесу до трепетной черты
И имя горькое сожжённой Хабиас
На сухоньком кресте прочтут.
1925

Имя вычислили – Нина Хабиас.
В девичестве Комарова.
В двадцать пятом – тридцать три полных года.

Журналист Эмилий Миндлин – «Необыкновенные собеседники»:

– «В 1921-ом году самой приметной, во всяком случае наи-более шумной, из всех посетителей «Домино» была Н. Хабиас-Комарова.

Говорили, будто она из бывших графинь...»

Нет, она не графиня.

Просто – первый раз замужем – за Оболенским.

Князем.

Да и сама – из «бывших».

А «Домино» – это дореволюционное название кафе в Мо-скве, через Тверскую напротив Центрального Телеграфа, кото-рое образовавшийся в 1918 году Союз поэтов (СОПО) арендовал у новой власти, назвав «эстрада-столовая при СОПО».

Эмилий Миндлин – «Необыкновенные собеседники»:

– «Хабиас была полной розовощёкой дамой с монгольски-ми чертами лица, зимой в роскошном котиковом манто, летом в режущих глаза пёстрых и дорогих нарядах».

На единственной сохранившейся фотографии Нины Хабиас она не так уж полна и розовощёка. Может, фотография более поздняя.

Но за что Есенин её так?
Ведь не за розовые щёчки и не за графиню – у него и само-го жена графиня.
И не за пёстрые же наряды.
И не за стихи же.

Как говорила всё та же Цветаева:

Я глупая, а ты умён.
Живой, а я остолбенелая.
О, вопль женщин всех времён:
«Мой милый, что тебе я сделала»?

А и вправду – что она ему сделала?...

Нина Хабиас появилась в Москве летом 1921 года из Ир-кутска и в некоторых интернет-ных статьях названа провинциал-кой.

Устроилась на работу в ВЧКлб – это тоже Всероссийская Чрезвычайная Комиссия только по ликвидации безграмотности.

В сентябре – она читает стихи со сцены в кафе «Домино»...

Поэт Тарас Мачтет, низкорослый горбун, которого Маяков-ский, со свойственной ему хамоватостью, представил со сце-ны, – «Тарас Мачтэт стихи прочтёт» – «Дневники»:

– «Хабиас, новая поэтесса, читает свои похабные, барковские стихи с эстрады...»

Ну а чем ещё может провинциальная поэтесса подивить московскую революционно-полуголодную, но зажавшуюся эпатажными стихами публику – только матом. Ведь не писать же ей, как папа Тараса Мачтета, депрессивные пролетарские песни, вроде «Замучен тяжёлой неволей», которые семьдесят лет угрюмо пела вся страна.

Поэт Тарас Мачтет – «Дневники»:

– «Шум, гром, крики... милицию даже вводили».

Вот так и завоёвывается Москва.

Стало быть – моралист Есенин рассердился, что поэтесса Шафрана Хебебовна Хабиас ругается матом – и наговорил ей «колкостей».

Так Сергей Александрович и сами были мастер по этой части – большой и малый загибы Петра Великого – около трёхсот слов и морской и казачий загибы знали назубок, и полтора года назад с этой же сцены эстрады-столовой читали:

Вы, любители песенных блох,

Не хотите ли отс... ать у мерина?

(по другой версии – просто вышел и послал публику матом куда подальше)

И тоже был скандал – шум, гам, крики, – Зоофилия!

И тоже вызывали милицию.

И ЧК.

О чём на Лубянке завели уголовное дела №10055.

Оказалось – никакой зоофилии. Просто – парижский поце-луй.

А мерин – это кличка поэта Мариенгофа.

Ну а коль не мат – так что ж так возбудило Есенина в Нине Хабиас?

Сопо китайский домику
Людей опенково банк
Лягаш гуляще застегнутый
Христос Грузинов Иван
Хорда плечо близоруко
Взмет лица меня прочь
Сердцу укушена мукой
Карей повидла ночи
Стыдно стону стенкам
Обмоткам мокро души
Стально давит коленом
Сладчайше Грузинов Иван
Гиря тело вагону
Трава деревень мель-мельк
Станциям три поклона
Колокола дли-ми-ни-длень
Запястья сердец загибом

На рыси рельсовых кос
Память стынет заливы
Салфеток снов Хабиас
1921

Что такое «сопо (СОюз ПОэтов) китайскому домику» – не-известно, но это хоть поэтический образ, а вот в какое такое ме-сто «стально и сладчайше давит коленом» Грузинов Иван – тут уже явно какая-то революционная садо-мазо-кама-сутра и но-чи, как повидло.

Но получается – Есенин пришёл в гости к Ивану Грузинову – обхамкал и выпер из дому не просто гостью, а любовницу хозя-зина дома.

Ну, зверь человек – никаких понятий.

Журналист Эмиль Миндлин:

– «В один из вечеров в „Домино“ Хабиас торжественно со-общила мне о сделанном ею сенсационном открытии: её сожи-тель, поэт-имажинист Иван Грузинов, не кто иной, как сам... Ии-сус Христос!»

О как!

Тут не просто – тут небесное.

Духовное сожительство.

Тантрический секс, кундалини-йога и немного спирта с ржа-вой селёдкой.

Умела барышня дурить.

Журналист Эмилий Миндлин – «Необыкновенные собесед-ники»:

– «Говорили, будто она из бывших графинь, называли её «Похабиас».

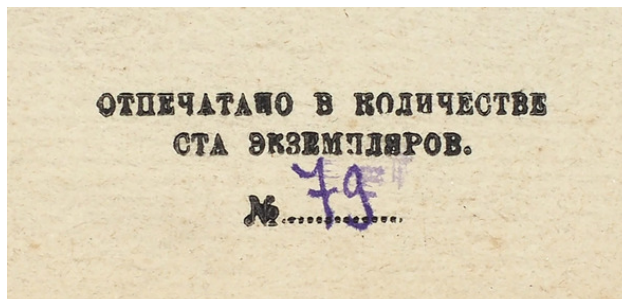
Она выпустила внецензурное издание книжки стихов с изо-бражением фаллоса на обложке.

Книжка открыто продавалась в кафе «Домино» и пользо-валась невообразимым успехом у московских извозчиков.

Чёрным по белому стихотворными строками были в ней на-печатаны настолько цинич-ные выражения, что даже извозчики не решались читать их вслух».

Вряд ли извозчики покупали стихи.
Тем более, что тираж был конфискован.
Да и весь тиражок-то был всего 100 (сто) экземпляров.

Экземпляр №79 (вписано от руки),

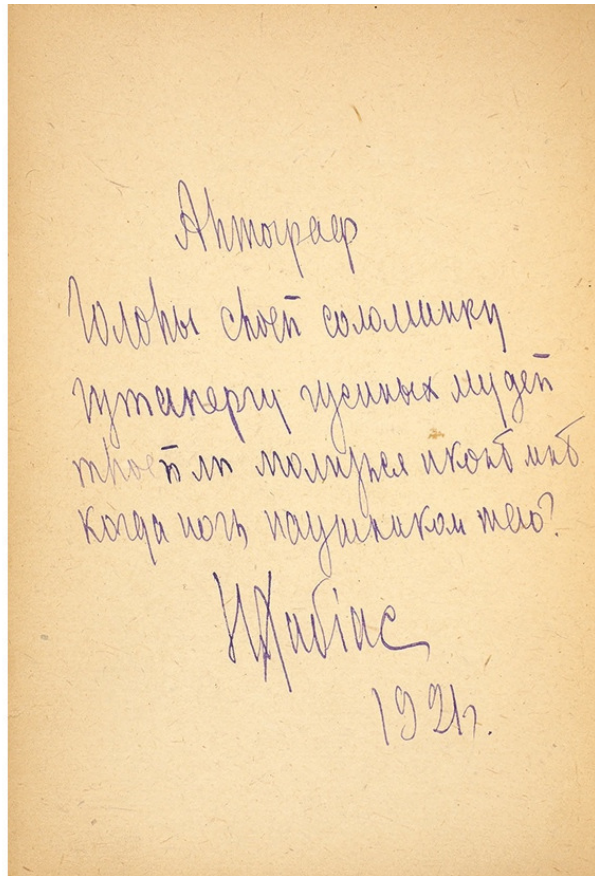

был недавно продан на аукционе за полтора миллиона руб-лей.

(по курсу \$ – 35 р.)

Правда, с рукотворным автографом Хабиас.

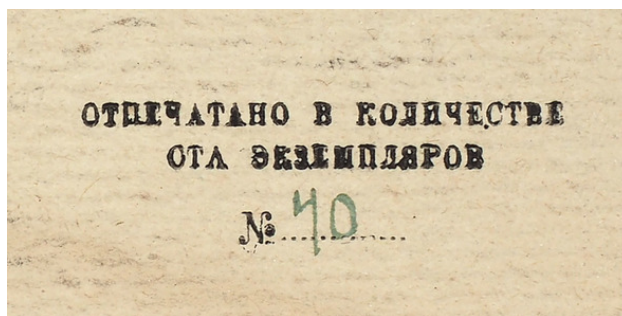
автограф
головы своей соломинку
гутаперчу гусиных мудей
твоей ли молиться иконе мне
когда ночь наушником таю (?)
Н. Хабиас 1921 г.

(последнее слово трудно поддается прочтению – то ли таю, то ли тело)

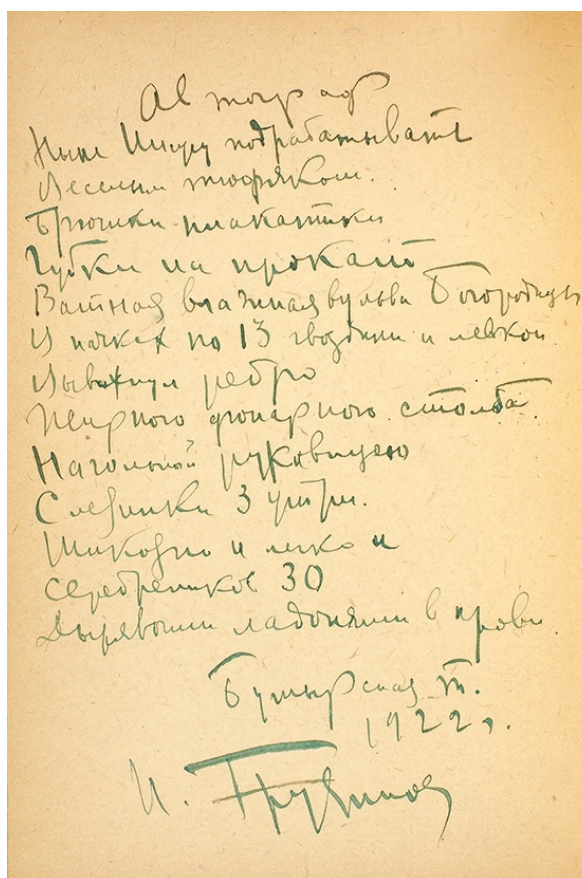
Через сто лет прапраправнуки тех извозчиков могли бы при-обрести вполне себе машину за тоненькую брошюрку поэтессы Хабиас.

Так что – извозчики подальновиднее, может, и успели купить до конфискации.

Книга, а точнее брошюрка, толщиной в двенадцать страниц, если считать с обложкой, была издана в Петрограде, конце 1921 года, вместе с такой же толщины брошюровкой Ивана Грузинова с мудрёным названием «Серафические подвески», которая за рукописным номером 40

и тоже с автографом Грузинова, подписанным – «Бутырская т. 1922 год».

продана была тоже за полтора миллиона.

Род Комаровых известен с середины IVIII века, первый Комаров – Дмитрий N (ум. между 1790 и 1796) в 1774 в составе отряда премьер-майора Михельсона участвовал в подавлении пугачевского бунта.

После увольнения из армии поселился в своем поместье близ Саратова.

Один из его сыновей – отставной поручик артиллерии Савва Дмитриевич, (р. ок. 1741), выйдя в отставку, приобрел небольшое имение и был причислен к дворянству.

А крепостных у него было – аж четыре души.

Потом род Комаровых так разросся, что в 1912-том в Петербурге состоялся... съезд Комаровых

на котором двадцатилетняя Нина несомненно присутствовала, но на фото её почему-то нет.

Все мужчины в роду служили по военной части.

Дед Нины Комаровой – генерал, усмирявший мятежных горцев на Кавказе, а в русско-турецкую – командовал Кавказской гренадерской дивизией.

Бабушка со стороны отца – дагестанская армянка.

Со стороны матери – Елена Петровна Вениаминова-Старкова одна из первых в России женщин врачей.

Отец – Пётр Дмитриевич Комаров, полковник, командир 105-го пехотного Оренбургского полка, погиб в 1914-том году в Восточной Пруссии и посмертно произведён в генерал-майоры.

Стало быть, Нина Хабиас внучка генерала и дочь генерала.

И тётка её – писательница Ольга Форш – в девичестве Ко-марова – тоже замужем за гене-
ральским сыном.

И правильно она не Форш, а фонЪ ФоршЪ.

И никакая Нина Хабиас не провинциалка, как пишут в ин-тернете – родилась она
в Москве.

Потом в Петербурге закончила Смольный институт с золотой медалью.

Медаль, правда, ей не дали – в связи с войной медали кон-чились.

Но свидетельство осталось.

Два года проучилась в университете на юрфаке и с началом Первой Мировой ушла
на фронт медсестрой.

Три года на войне.

За Веру, Царя и Отечество.

За Россию монархическую.

В гражданскую – она тоже сестра милосердия.

У белых. У Колчака.

Два года.

За Россию республиканскую. Без Царя.

Но в 1919 году с Ниной Комаровой происходит странная ме-таморфоза – она вдруг объявляется в Политотделе 5 Красной армии, в комитете по ликвидации неграмотности и становится не то членом ВКП (б), не то кандидатом в члены.

Согласитесь...

Но, видимо, время было такое – люди ложились спать ли-бералами, просыпались с партбилетом.

И наоборот.

А может – так было выгоднее – проснуться другим чело-веком.

У хабиасоведов нет ясного представления о псевдониме Ха-биас.

И даже непонятно, где ставить ударение.

Скорее всего, на последнем слоге.

По одной из версий, псевдоним связан с популярной доре-люционной детской сказкой писателя и художника Валерия Кар-рика, полурусского, полушотландца, где странного вида «хобiа-сы» приходили по ночам из лесу пугать детей и пожирать стари-ков, пока их не съела охотничья собака.

Однако, приехав летом 1921 года в Москву и устраиваясь на работу в комиссию по ликвидации неграмотности Нина Ха-биас, заполняя в анкете графу «семейное положение», написала – вдова.

И подписалась – Нина Хабiас – Комарова.

Зачем писать в анкете комиссии по ликвидации неграмот-ности литературный псевдоним?

Следующую анкету будет заполнять уже следователь ГПУ.

В середине марта 1922 года Хабиас и Грузинов были арес-тованы за свои тоненькие брошюрочки стихов, отпечатанные в обход установленных советским государством правил.

Тюремное

Сырость ворванью киснут
стихи и рыжий клоп
стенке головою мыслями
клочечек неба голубом
вперлись плочицею мой глазу
трухлой тюря белок
это на мне железные спазмы
и прищемлень тупой замка
ах знаю другую теперь ты
когда я камеру бетон хрящиком бью
папа и Смольный мне не поверили
матрасика голода соломой жевать
небо простенком простынку засунули
железный брусок по щекам
пращурь верю небесными заступом
главный ударят набат

1922

«ах знаю другую теперь ты
когда я камеру бетон хрящиком бью...»

...носом в сырую тюремную стену, в ожидании срока, или да-же расстрела,
а любимый изменяет...

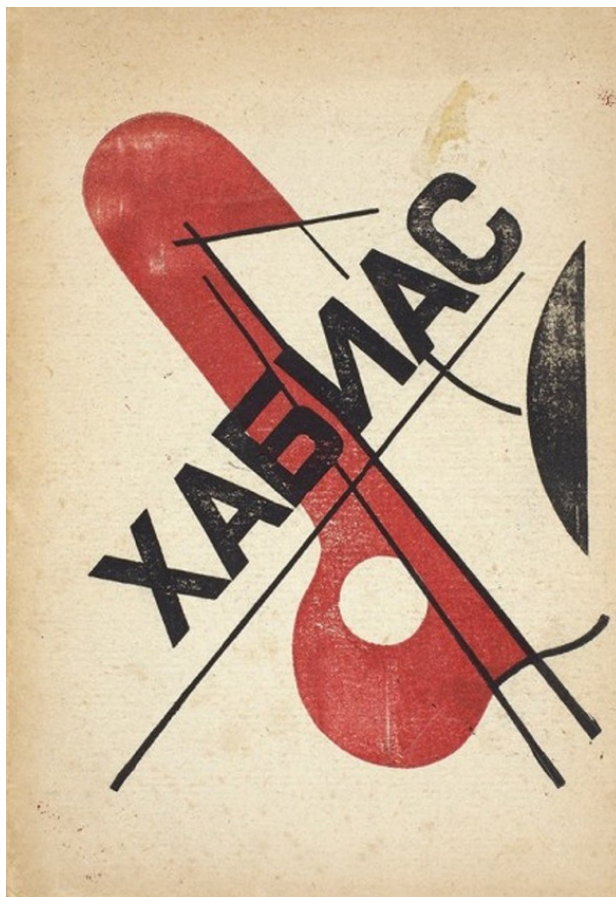
тоска...

но гражданский муж её Иван Грузинов тоже сидит...

Или не знала...

Ну да это личное.

За брошюрочку со стилизованным фаллосом в сто экземп-ляров, конечно, не расстре-
ляют,

да и не фаллос интересует ГПУ и не обценные буковки —
кто и где без ведома советской власти отпечатал книгу? —
вот в чём вопрос.

Ну, дадут лет пять Соловков – это ж не контрреволюция, просто бранные слова...

Но Нина свято верит в небесное заступничество своих пред-ков, включая покойного
мужа (она же – вдова) —

«пращуры верю небесными заступом
главный ударят набат» —

и следователь с её слов запишет в анкете:
муж – Степан Платонович Оболенский, князь,
командир егерского батальона особого назначения,
начальник мобилизационного отдела при правительстве
Колчака.

Егери – с немецкого – охотники.

И переводя на современный язык – это армейская разведка, спецназ Белой армии.

Вряд ли пылающий симпатиями к большевикам.

И сколько красных головушек успел порубать этот княжина – егерь Оболенский, пока сам не лёг.

То есть – подследственная Комарова честно призналась, что была замужем за лютым врагом советской власти —

а куда ей было деваться – всё равно установят.

Но в 90-тые, воскрешая биографию поэтессы, дотошные ха-биасоведы раскопали:

– «В родословиях князей Оболенских человека с таким именем НЕ НАЙДЕНО.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.